

ТЕАТР: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

И ВНОВЬ Турбины...

«Дни Турбиных» Михаила Булгакова — одна из тех пьес, которые выдержали самое трудное испытание: испытание Временем. Она была поставлена впервые на сцене Художественного театра что-то около шестидесяти лет назад, пройдя нелегкий путь непризнания и признания. Затем появлялась на экране кино и телевизоров, идет и сегодня на сценах многих театров. И вот ее поставил московский театр «Современник». Так же, как и шестьдесят лет тому назад, переполненный зрительный зал, затаив дыхание, следит за действием.

В чем же секрет успеха пьесы и постановки?

Прежде всего, конечно, в высоком качестве самого драматургического материала: в языке, характерах персонажей, в мастерском построении вещи в целом.

Булгаков написал пьесу по своему роману «Белая гвардия». В о время он работал на эстонском в газете «Гул», и мне часто приходилось общаться, бывать у него в гостях. Иногда он читал куски из «Белой гвардии», так что в момент появления на сцене МХАТа «Дней Турбиных» многие действующие лица пьесы были мне хорошо знакомы. Глядя на сцену, я чувствовал себя как бы в хорошо знакомом мне доме, среди родной семьи. Нечто подобное, вероятно, испытывали и все зрители: с таким вниманием и с таким сочувствием они следили за развивающимся действием пьесы. В то время «Дни Турбиных» еще имели оттенок злободневности. С течением лет эта злободневность улетучивалась, что, однако, не мешало пьесе навсегда остаться современной.

Вопрос злободневности или современности — один из важных вопросов любого искусства, в особенности театрального. Если театральная пьеса перестает быть злободневной, но при этом остается современной, то это значит, что она выдержала испытание Вре-

нем, то есть, что она стала если не вполне классической, то во всяком случае твердо репертуарной.

Вот я сижу в зрительном зале «Современника» и медленно погружаюсь в далекое прошлое — время Октябрьской революции, свидетелем первых лет которой мне довелось быть на юге. Гаснут хрустальные люстры. Тьма. Сцена медленно освещается, и передо мной Владимирский спуск в Киеве. Вьюга. Свист ветра. Отдаленная ружейная пальба. Тревога. Восемнадцатый год. Украина, недавно занятая немцами. Медленно высвечивается гостиная в квартире Турбиных. Два брата: вольноопределяющийся Николка и его старший брат Алексей Турбин — оба бывшие служащие бывшей царской армии. Николка играет на гитаре и поет частушки... Впрочем, бесполезно пересказывать сюжет пьесы, которая уже существует на сцене более полувека.

Но чем же прельстили «Дни Турбиных» театр «Современник» в наши дни? Я думаю, что на этот вопрос можно ответить коротко: своей ошеломляющей талантливостью, а главное, обезоруживающей правдивостью, верностью историческим событиям того времени. А исторические события в восемнадцатом и девятнадцатом годах на юге России, в частности в Киеве, где происходит действие булгаковской пьесы, были трагическими и крайне запутанными. О них до сих пор в беллетристических произведениях сказано очень мало.

Семейство Турбиных попало в тяжелейшее положение. Несколько взаимно исключаящих друг друга исторических сил столкнулись между собой в борьбе, из которой победителем могла выйти только одна: остальные были обречены на гибель. Прежде всего на исто-

рическую сцену вышли революционный рабочий класс и трудовое крестьянство, провозгласившие социализм, свергнувшие капитализм и предложившие всем народам земного шара мир. Но тут же возникли контрреволюционные движения, вызвавшие в стране гражданскую войну. Юг России попал под власть кайзеровской Германии, был оккупирован, немецкий генеральный штаб провозгласил так называемую гетманщину, то есть украинское «государство» во главе с неким гетманом, бывшим царским генералом Скоропадским, всецело подчиненным немецким оккупационным властям. Тут же появилась и петлюровщина — националистическое движение, пытавшееся создать «самостийную» Украину и собравшее под свои «знамена» весь кулацкий и уголовный сброд бывшей Российской империи. Кроме этих основных борющихся между собой сил, было также и русское контрреволюционное офицерство, мечтающее о восстановлении в России монархии. Часть из этого офицерства перешла на службу к гетману, часть мечтала уехать на Дон, где создавалась так называемая добровольческая армия, стремившаяся раздать Советскую власть.

Я пишу об этом так подробно, потому что иначе нельзя понять ту драматическую коллизию, в которую попала киевская семья Турбиных, состоящая, главным образом, из демобилизованных артиллерийских офицеров бывшей царской армии и их дивизионных товарищей-друзей. Перед ними стоят трудные вопросы: как быть? что делать? к кому примкнуть? Главной пружиной пьесы и являются эти вопросы. А в сущности говоря — вопрос жизни и смерти. Каждый из них решает его по-своему, в соответствии со своим характером. А это и есть

главное достоинство драматургического произведения: разнообразие характеров действующих лиц. Кроме того, в пьесе «Дни Турбиных» есть еще одно ценнейшее качество: чувство юмора, так свойственное таланту Булгакова. Вот именно соединение драмы и комедии в одной пьесе плюс ее историческая достоверность, по-видимому, и сделали ее столь сценичной и столь любимой зрителями. Это же качество, очевидно, и привлекло к ней через шестьдесят лет после ее первого представления в Художественном театре внимание «Современника», который по справедливости может считаться родным внуком старого, прославленного на весь мир Художественного театра Станиславского и Немировича-Данченко.

«Дни Турбиных» в «Современнике» поставил И. Кваша, один из основателей «Современника». Его привлекли все те качества булгаковской драматургии, о которых было сказано выше. Лично я, живя тогда на юге, был свидетелем и даже участником исторических, революционных событий, легших в основу булгаковской пьесы. И теперь, сидя в зале «Современника», я как бы заново переживал события своей юности, когда передо мной не на театральной сцене, а в подлинной жизни проходили образы, так достоверно перенесенные теперь на подмостки молодого театра, все эти артиллерийские офицеры бывшей царской армии — полковник Турбин (О. Шкловский), его друг старший офицер дивизиона Студзинский (Г. Богадист), офицеры Мышлаевский, Шервинский (А. Кахун, Н. Попков), вольноопределяющийся Николка (В. Шальных), наконец, Тальберг (С. Сазонтьев), русский офицер немецкого происхождения и предатель. Нет смысла пересказывать подробно сю-

жет пьесы. Он общеизвестен. Но необходимо отметить, что сюжет осложнен еще и любовной историей Елены Тальберг (И. Метлицкая) и Шервинского.

Все сюжетные линии пьесы тесно связаны с историческими событиями эпохи. Тем ярче выступает история молодого человека, некоего Лариосика, оказавшегося в круговороте событий тех дней (А. Табаков). Передо мной возникают гетманцы, петлюровцы, юнкера, кадеты, студенты... Прекрасно разыграна сцена бегства гетмана (В. Хлевинский). В особенности достоверно выглядят два немецких офицера — фон Шратт (А. Вокач) и фон Дуст (А. Кутузов). На их образах особенно отчетливо чувствуется манера Булгакова — юмориста и сатирика.

История немецкой оккупации юга России, возникновение гетманщины, петлюровское движение, повторы, все еще слабо отражены в нашей художественной литературе и драматургии. Поэтому появление на сцене «Дней Турбиных» имеет не только эстетическое значение, но также и познавательное, историко-революционное. Пьеса показывает, что, несмотря на все превратности исторических судеб, побеждает Октябрьская революция. Недаром же пьеса заканчивается победой Красной гвардии над всеми реакционными силами. В Киев входит уже сформированная Красная Армия, и на звуковом фоне идущих боев звучит «Интернационал».

И правильно сделал «Современник», что поставил эту пьесу. Публика, заполняющая театр, затаив дыхание, следит за развитием исторических событий того незабываемого времени.

Валентин КАТАЕВ.